

ими измеряемом); Венера и Меркурий скрывались и появлялись бы примерно так же, как Солнце, а Луна пряталась бы от всех людей на четырнадцать с половиной дней. И поистине не было бы на земле ни размножения, ни животной или растительной жизни; не было бы ни ночи, ни дня, ни недели, ни месяца, ни года, но вся Вселенная лишилась бы порядка и движение других небес совершалось бы понапрасну. Точно так же, если бы перестала существовать Нравственная Философия, другие науки были бы на некоторое время скрыты от нас и не было бы ни деторождения, ни счастливой жизни, а науки были бы написаны втуне и напрасно найдены в древнейшие времена. Таким образом, достаточно очевидно, что Кристальное небо по своей сущности сравнимо с Нравственной Философией.

Наконец, заметим, что по своей сущности небо Эмпирей своей умиротворенностью похоже на Божественную науку, которая преисполнена миролюбия; она не терпит ни спора мнений, ни хитроумных доказательств благодаря высочайшей истине своего предмета, а ее предмет – Бог. И об этой истине Учитель и говорил своим ученикам: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам», даруя и завещая им Свое учение, которое и есть та наука, о которой я говорю. О ней говорит и Соломон: «Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа. Но единственная – она, голубица моя, чистая моя». Все науки он называет царицами, наложницами и девицами; эту же науку он называет голубицей, ибо она не опорочена спорами, и ее же он называет самой чистой, ибо она позволяет в чистоте лицезреть истину, в которой душа наша находит себе успокоение. И потому, после того как было проведено сравнение между небесами и науками, можно убедиться, почему я под третьим небом разумею Риторику, которая и была уподоблена третьему небу, как это явствует из предыдущего.

XV.

Из высказанных выше сопоставлений можно усмотреть, кто именно те двигатели, к которым я обращаюсь. Они подобны Боэцию и Туллию, которые направили меня сладостью своих речей на путь любви, то есть на путь изучения благороднейшей дамы Философии, озарив меня лучами их звезды, то есть письменным изложением Философии, ибо несомненно, что в каждой науке ее письменное изложение есть светоносная звезда, ее озаряющая. Убедившись в этом, нетрудно уяснить себе истинное значение первой строфы предложенной канцоны через истолкование ее вымышленного, то есть буквального, смысла. И при помощи такого же истолкования можно в достаточной степени понять и вторую строфу, начиная с того места, где говорится:

«Другую даму должен я хвалить.
Дух говорит...»

Здесь надо помнить, что дама эта – Философия; она поистине – дама, исполненная сладости, украшенная благонравием, удивительная своим познанием, прославленная своей щедростью, как это будет с очевидностью показано в третьем трактате, где будет обсуждаться ее благородство. А там, где в канцоне говорится:

«В ней путь к сиянью рая.
Кто не боится вздохов и трудов,
Всегда глядеть в ее глаза готов».

Глаза этой жены – ее доказательства, которые, будучи направлены на очи разума, влюбляют в себя душу, освобожденную от противоречий. О вы, сладчайшие и несказанные видения, мгновенно пленяющие человеческий ум и появляющиеся в очах Философии, когда она беседует с теми, кто возлюбил ее! Поистине в ее очах – спасение, дарующее блаженство тому, кто их лицезреет, и оберегающее от смерти в невежестве и в пороках. Там же, где говорится: «Кто не боится вздохов и трудов...» – должно понимать: если он не боится трудностей наук и спора сомнений, которые с самого начала возникают и множатся от взглядов этой жены, а потом, под действием постоянного, исходящего от нее света, рассеиваются, как утренние облака перед лицом солнца; и, наконец, разум, привыкший к ее взорам, становится свободным и полным уве-